

Институт
Современного
Развития

Сергей Кулик

РАЗНЫЕ ТАНЦЫ С «СЕМЕРКОЙ»

На прошедшем в начале сентября Восточном экономическом форуме (ВЭФ) президент России отвечал на вопрос российского модератора, — поедет ли, если позовут, в Соединенные Штаты на следующий саммит «Группы семи» (G7) в середине 2020 г. Группа — созданная более 40 лет назад влиятельная неформальная структура с участием США, Канады, Великобритании, Германии, Италии, Франции и Японии при постоянном присутствии на встречах и руководства Европейского союза. Россия стала восьмым членом клуба в 1998 г., а в 2014 г., после крымских событий, двери для нее закрылись. Тем не менее, на сей раз вопрос и ответ прозвучали не случайно.

Накануне президент США как хозяин будущей встречи открыто выразил желание пригласить российского коллегу. Поначалу не отказываясь от возрождения «восьмерки» (G8), затем говоря, скорее, о статусе наблюдателя для России. При этом речь не шла о снятии всех высоких барьеров для возвращения в G8, особенно препон, установленных «семеркой», которая требует воссоединения Крыма с Украиной. В выполнимость этих условий практически никто не верит ни в клубе, ни за его стенами.

К тому же не стоит сбрасывать со счетов внутривнутриполитические ограничители — даже для простого присутствия В. Путина, не говоря о возрождении «восьмерки». Следующий саммит придется на разгар предвыборной президентской кампании в США. При всех

высказанных Д. Трампом симпатиях к Москве, доминирующие настроения избирателей находятся в противофазе: по опросам, Россия (кстати, в отличие от Китая, при всей жесткости разборок Вашингтона с Пекином) включена в лидирующую тройку «противников» (а не оппонентов) вместе с Ираном и Северной Кореей. Чтобы поменять вектор общественного мнения, требуются принципиальные подвижки в наших отношениях, с чем, даже если сильно постараться, к лету следующего года вряд ли успеешь.

Свои ограничители есть у Великобритании, особенно после эпопеи со Скрипачами. Стоит не забывать миллионную и весьма активную украинскую диаспору в Канаде и т. д. В общем, возрождение G8 под очень большим вопросом, должный ответ на который могут дать лишь крупные и знаковые договоренности с Москвой.

Тем не менее, Д. Трамп сохраняет боевитый настрой. За год до этого он уже провел «разведку боем» перед отлетом с саммита в Канаде, где оказался фактически в одиночестве, пикируясь со всеми другими участниками по многим вопросам повестки и не скрывая пренебрежения к форуму. Тогда он заявил о целесообразности «присутствия» Москвы на такой встрече (*should be in this meeting*) и тут же — об участии «за переговорным столом» (*we should have Russia at the negotiating table*). Но все другие участники клуба, ничего не имевшие против «переговорного стола» в других местах, не поддержали президента США касательно «присутствия» России в самом клубе в любом качестве — до разрешения украинского конфликта и территориальных споров с Киевом. Трамповский зондаж получил весьма слабый отклик и в России, и за ее пределами.

Однако теперь американский президент заручился поддержкой президента Франции и итальянского премьера при молчаливом согласии японского лидера. У последних, что вполне логично, проглядывало предпочтение варианту приглашения В. Путина в качестве наблюдателя, а не полноправного участника «восьмерки». Но и такие настроения были встречены в штывы Великобританией и Германией, к которым присоединились Канада и ЕС.

Возникший разлад оказался неожиданным для многих политиков и экспертов, уверовавших в незыблемость консенсуса

хотя бы шестерых членов (вместе с ЕС) по поводу того, что место России — за дверями клуба. К разногласиям отнеслись как к индикатору вероятных подвижек в сложившемся статус-кво. Но такие подвижки, судя по западным настроениям, не могут идти дальше предоставления места наблюдателя — хотя бы для начала.

А это требует, естественно, согласия Москвы — тем более, будет иметь место понижение статуса. Вполне логично, что повышенное внимание было уделено российской реакции на инициативу Трампа и на турбулентности в стане «семи».

Ответ В. Путина предоставил весьма широкое поле для экспертных интерпретаций и построения разных сценариев. Будь то участие России в полноценном качестве или в статусе пониже, налаживание ее взаимодействия с клубом по различным каналам, сохранение «заморозки» в отношениях с G7 и т. д.

Российский президент начал с G8. Напомним, что уход России из клуба состоялся через отказ остальных участников прибыть на саммит в Москве, т. к. именно на 2014 г. пришлось председательство в нем России. (Повторим, что группа — объединение неформальное, не обремененное излишними юридическими процедурами). Поэтому, если партнеры «хотят восстановить «восьмерку», президент предложил разрезать ленточку на встрече именно в России. Выдвинув политически весьма затруднительное условие — в дополнение к бескомпромиссной позиции касательно Крыма.

Понимая, естественно (как и Трамп, но по-своему), все препятствия на пути к G8, В. Путин сделал важную оговорку: «Любые форматы всегда идут на пользу, это всегда позитивный обмен мнениями, даже когда он проходит на повышенных тонах... Поэтому мы не отказываемся ни от какого формата сотрудничества». Тем самым речь может пойти и об иных вариантах сотрудничества с группой, включая формат «7+1». Хотя последний и менее приятен для Москвы: возвращаться с понижением статуса как-то не с руки для великой державы.

«Повышенные тона» упоминаются президентом применительно к августовскому саммиту G7 во французском Биаррице. И все же здесь не обошлось без чувства обиды за Россию:

в клубе ей и в более комфортные времена крупно доставалось по разным вопросам, прежде всего в сферах военно-политической безопасности и региональных конфликтов. Причем часто от единого фронта других членов. (Как, например, за Сирию на последнем с российским участием саммите в 2013 г.).

Менее туманным и более примечательным представляется продолжение рассуждений В. Путина: «...всем сегодня понятно, что лидерство Запада заканчивается. Я не могу себе представить эффективную международную организацию, которая работает без Индии и Китая». Российский руководитель не поленился к этому добавить, что и президент Турции недавно (по всей видимости, из-за шумихи вокруг планов Д. Трампа) спросил его, а почему бы не замолвить словечко за турецкое участие в клубе в составе уже «десятки» (этого пассажа, кстати, не видно на англоязычном сайте Кремля). Заключил дискуссия российский президент указанием на то, что наиболее эффективной международной организацией сейчас является «Группа двадцати», ограничив, правда, ее полезное лидерство сферой мировой экономики.

На контрасте с участием в «восьмерке» присутствие России в «двадцатке» для нее, несомненно, более комфортно. Заработав на высшем уровне с 2008 г. (до этого в формате министерских и экспертных встреч), эта столь же неформальная группа включает двадцать ведущих экономик мира, многие из которых в качестве партнеров гораздо более покладисты, — как те же Китай, Индия и Турция. Поэтому последние десять лет российский интерес к сотрудничеству стал смещаться в ее пользу.

Теперь президент России заметно повышает ставки. Почеркнем, что G7 является признанным символом лидерства Запада. Даже во времена «восьмерки» этот формат в мировом восприятии как бы привязывал Россию к западному лагерю — во всяком случае, до заметных перемен в российских внешнеполитических приоритетах с 2012 г. И если лидерство Запада в целом заканчивается, то перспективы клуба в нынешнем составе многим представляются весьма мрачными.

В этой связи отметим, что последние два саммита «семерки» (после воцарения Д. Трампа) получили весьма нелестные оценки большинства западных политиков и экспертов. Действительно, авторитет клуба заметно потускнел, и для его укрепления участники не могут не задумываться о приемлемых трансформациях. Так что сигнал В. Путина можно прочесть и так, что неизвестно еще, кто делает большее «одолжение» для возобновления сотрудничества — Россия или G7. Тем более, учитывая «китайский фактор».

В. Путин не случайно неоднократно упоминал Китай. На его августовской встрече с президентом Франции Э. Макрон не стеснялся откровенничать по поводу этого фактора, отмечая потребность Запада в ослаблении связей Москвы и Пекина. Такие пожелания не скрывают и многие политики и эксперты в США и Европе в своих рекомендациях насчет переформатирования диалога с Россией. Частью из них двигают не столько симпатии к России, сколько серьезное беспокойство российско-китайским альянсом. Да и наши аналитики, разбирая подноготную заявления Д. Трампа и позицию части членов клуба, заметный акцент делают именно на этот фактор. В надежде на то, что воссоединение с Россией в этом престижном клубе если и не даст быстрых дивидендов в части его укрепления, то повлияет на динамику связей между Москвой и Пекином.

Стоит учитывать, что при всех возможных трансформациях «семерки» этот клуб может пригласить Китай в каком-то достойном качестве лишь в самую последнюю очередь — по крайней мере, в обозримой перспективе. Дело в том, что данный формат сейчас больше ориентирован на противостояние с Пекином, на ослабление его роли в мировых делах. У членов клуба есть свои каналы сотрудничества с китайцами, что не мешает деятельности их же структур с обратными задачами. В общем, «семерка» стала чаще восприниматься в последнее время как один из существенных противовесов Китаю.

Если Москва действительно заинтересована в восстановлении отношений с ведущими западными странами, важным свидетельством чего станет размораживание контактов с G7, то упорство В. Путина в указывании на благотворность кооперации

Москвы с Пекином и с международными структурами с китайским участием может быть рассчитано на получение пропуска в клуб без таких излишних «неудобств» или формальностей, как урегулирование «крымского вопроса» (при адекватных для нас компромиссах по другим аспектам украинского конфликта, по Сирии, по, что важнее, санкциям и др.). При намерении оставить отношения с Китаем без принципиальных подвижек в сторону ухудшения или, наоборот, дальнейшего укрепления.

Либо, в случае неудачи (что пока видится более реалистичным сценарием), рассуждения В. Путина сориентированы на сохранение статус-кво, в том числе на ускорение динамики сотрудничества с Китаем и охлаждения отношений с западным миром. Такая ориентировка продолжает озвучиваться на высоком официальном уровне и подкрепляется базовыми документами.

Так, с высокой трибуны Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября глава российского МИДа С. Лавров отметил, что «ведущие западные страны пытаются воспрепятствовать формированию полицентричного мира, вернуть себе привилегированные позиции, навязать другим стандарты поведения, основанные на узкой западной трактовке либерализма. Если коротко: «мы — либералы, нам можно все». В этих своих устремлениях Запад все реже вспоминает про международное право, все чаще и все навязчивее рассуждает о «порядке, основанном на правилах». «Вместо равноправной коллективной работы создаются закрытые форматы вне легитимных многосторонних рамок, а келейно согласованные в узком кругу «избранных» подходы затем объявляются «многосторонними договоренностями», добавил С. Лавров.

Если соединить «либералов», «ведущие западные страны» и «закрытые форматы», то стрелка показывает в одном направлении — к «семерке», которая в своей эксклюзивности олицетворяет «либеральные демократии» (плюс лагерь развитых экономик). Собственно, России в 1998 г. выдали пропуск в качестве аванса быстрого перехода к обоим указанным качествам. Получается, что перспективы диалога с G7 обрисованы в более мрачных тонах.

С учетом этого вполне логичны повторенные в выступлении

предпочтения при налаживании «конструктивной работы» «в организациях системы ООН», «Группе двадцати» и БРИКС. Вместе с акцентом на «формирование Большого Евразийского партнерства» с привлечением участников ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и «других государства Евразии, в том числе и членов Европейского союза». Для построения моста на сей раз не между Лиссабоном и Владивостоком, а от Лиссабона до Джакарты. Напомним, что без упоминания «Джакарты» такая приоритетность международных структур была не раз озвучена президентом страны.

Не сложно заметить, что Китай не только присутствует в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в «Группе двадцати» или БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). Как бы некоторые российские эксперты не пытаются убедить в обратном, в ШОС и БРИКС Пекин является доминирующим игроком со всеми вытекающими следствиями. В G20 его влияние, естественно, поменьше, но и заметно посильнее, чем России, что не может не сказываться и на работе по «сверке часов» в этой группе в противовес западной. Добавим и оформленные официальные каналы между Китаем и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), в отличие от всех членов «семерки» вместе с ЕС. В общем, российско-китайский «след» уже довольно глубокий.

В свою очередь, эти предпочтения зафиксированы в Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г.¹ К словам на Генассамблее из Концепции стоит лишь приплюсовать лишь формат РИК (Россия-Индия-Китай). А вот сама речь, по сравнению с языком Концепции, оказалась с заметно меньшим акцентом на сотрудничестве с Евросоюзом и, что важнее, с более жесткой тональностью касательно как «либерализма», ассоциированного исключительно с Западом (куда, кстати, традиционно входит и Япония), так и его противопоставления остальному миру.

Через неделю, 3 октября, президент России на «Валдайском форуме» почти слово в слово подтвердил важность формирования Большой Евразии ее потенциальными участниками, перечисленными выше, приоритетность ШОС, ЕАЭС, высокий

¹ Приведенные выше тезисы закреплены пунктами 24—26, 40, 63, 79, 80 и 84.

потенциал АСЕАН и др. При этом остановился на «союзнических отношениях» с Китаем, впервые выдав такой проект, как содействие России в создании системы предупреждения о ракетном нападении. Проект свидетельствует о том, что отношения по своему характеру приближаются к военному союзу (именно приближаются, без перспективы его создания) и являет собой своего рода «джокер» в диалоге с Западом.

Таким образом, вектор рассуждений российского руководства указывает на статус-кво или даже на усиление в противостоянии с западными государствами — на примерах отношения с той же «семеркой». Казалось бы, зачем весь этот «сыр-бор» с вопросами и ответами касательно отношений с G7? Здесь можно перечислять много мотивов и факторов, но обойдемся укороченным списком.

Сам по себе клуб, повторим, представляется одним из важнейших индикаторов отношений «объединенного Запада» с теми или иными мировыми игроками — не обязательно из числа ключевых. Налаживание контактов между «семеркой» и Россией (хотя бы в качестве приглашенного гостя) станет свидетельством того, что идет достижение важных договоренностей по целому ряду крайне актуальных международных проблем (Украина, Сирия, Китай, разоружение и др.) с выходом на постепенное снятие санкций (которые, как известно, легче вводить, чем снимать).

Если эти договоренности оставят в стороне вопрос о Крыме и некоторых иных серьезных узлах, то, уходя от дипломатического этикета, само приглашение В. Путина на саммит G7 станет расцениваться как заметный успех российской дипломатии в нынешние бурные времена. Вместе с этим, сближение с клубом откроет возможность сбалансировать вектор внешнеэкономической политики России между условными Западом и Востоком. В свою очередь, это предоставит Москве дополнительные рычаги для более равноправного сотрудничества с Пекином.

Можно и дальше перечислять возможные дивиденды, но ограничимся следующим рассуждением. По всей видимости, во властных коридорах полностью не отказались от идеи возрождения «восьмерки» и, в качестве дополнительных вариантов, расширения

ее состава за счет ряда партнеров России или, для начала, присутствия на следующем саммите в качестве наблюдателя.

Отметим, что частые критические стрелы в адрес Кремля на встречах «восьмерки» отнюдь не подрывали энтузиазма Москвы к работе в этом формате. Ведь он, помимо прочего, позволял полноценно участвовать в ведущем глобальном клубе лидеров развитых экономик со статусом экономики развивающейся, продвигать собственные интересы и, что важно, усиливать свое позиционирование в мире.

Справочно: В «восьмерке» Москве с пользой и с меньшими трениями удавалось договариваться по многим ключевым вызовам мирового охвата, в частности, по глобальной безопасности здоровья, продовольственной безопасности, содействию социально-экономическому развитию бедных стран и т. д. — вызовам едва ли не более значимым для глобального общественного блага, нежели вызовы конфликтного порядка или военно-политической напряженности.

Так, «восьмерка» являлась важным драйвером в защите глобальной безопасности здоровья, нередко находясь впереди ключевых международных структур, в том числе Всемирной организации здравоохранения ООН с ее медлительностью и излишней бюрократизацией. Благодаря инициативам «восьмерки», ряд которых был выдвинут Москвой, и каналам воздействия на правительства и бизнес многих стран G8 удавалось успешнее противодействовать распространению эпидемий и заболеваний, созданию соответствующих фондов и сбору средств и т. п. Сравнительно с ней «Группа 20» на этом поприще до сих пор отстает на целый корпус.

Нарастив критику в адрес «восьмерки/семерки», многие комментаторы ленятся заглянуть в список ее «добрых дел», в том числе тех, что стали заслугой России. Наши эксперты, естественно, больше ориентируются на официальные пассажи, где сквозит досада, во многом справедливая. Но у самих авторов этих пассажей российское участие в G8 вряд ли ассоциируется только с неприятностями. Притом они продолжают внимательно и всесторонне отслеживать работу клуба и раздумывать о его возможных трансформациях.

В общем, при всей большей для Москвы комфортности структур типа «двадцатки», БРИКС, ШОС и др. кресло в G8 давало свои преимущества и важный опыт для укрепления внешнеполитических позиций. Стоит подчеркнуть, что G8 оказалась престижным и

высокопрофессиональным «институтом повышения квалификации». Первопроходческий опыт которого усвоили и G20, и БРИКС.

Болезненная официальная реакция России на изменение в вывеске клуба в 2014 г. и первая высокая волна жестко критических замечаний в его адрес могли свидетельствовать о весьма чувствительной досаде от выхода из этого формата. Не исключено, что и сейчас в московских кабинетах (не публично) вспоминают о временах G8 с определенной ностальгией.

В общем, оговоренные президентом России на Восточном форуме возможности для «любых форматов» обсуждений — это сигнал экспертам, чтобы проанализировать самые разные варианты и направления развития диалога с Западом через призму отношений с клубом. В этой связи стоит обратить внимание на один из вариантов, который может непосредственно затрагивать интересы России и пока игнорируется у нас и за рубежом.

Как уже отмечалось, в последнее время G7 на самом Западе воспринимается все более скептически. Лидеры стран-участниц даже на самих саммитах группы озабочены прежде всего внутренними проблемами.

К тому же доля «семерки» в мировом ВВП скатилась до менее 50%, а если мерить по паритету покупательной способности — то до менее трети. Но для взгляда в будущее с экономической платформы важнее другое: на членов группы приходится менее четверти прогнозного глобального экономического роста в ближайшие годы. (Хотя и это немало с учетом короткого списка членов.)

Перемены настигли «семерку» и внутри. Она переживала времена, когда лишь одна треть ее общего ВВП приходилась на США. С ослаблением за последние десятилетия европейских стран и Японии Соединенные Штаты не ограничились возвратом простого лидерства. Сейчас они оказались практически на высшей точке своего экономического могущества относительно партнеров. Американская экономика почти сравнялась с экономиками всей «шестерки».

Так уж получилось, что это соотношение пришлось на президентство Д. Трампа. Нынешний же хозяин Белого дома, мягко говоря, не питает особого пиетета к «группе», ведя линию на

приоритетность двухсторонних торгово-экономических форматов. Не удивительно, что на последнем саммите в своих комментариях он особо упирал на заключение торгового соглашения с Японией.

Тогда же лидеры группы обменялись во многом несовпадающими позициями по борьбе с изменением климата, торговому конфликту между США и Китаем, выходу Вашингтона из «ядерной сделки» с Ираном. По ряду этих вызовов американцы оказывались в одиночестве. Это дало повод для разговоров о формате «6+1».

На этом фоне главным стало то, что явно не просматривались, во-первых, какая-то понятная стержневая линия саммита, во-вторых, хотя бы контуры видения «семеркой» ближайших перспектив миропорядка и, в третьих, четкие намерения всех руководителей прийти к консенсусу по крупным блокам повестки.

Конечно, приход к власти Д. Трампа сыграл существенную роль в повышении градуса споров между более-менее уживчивыми раньше соседями. Уход России из группы на короткий период способствовал консолидации по ряду вопросов, связанных больше с вызовами мировой и глобальной безопасности и с защитой либерального миропорядка.

Добавим, что при всех разногласиях с Москвой саммиты «восьмерки» всегда завершались итоговыми коммюнике разной степени детализации. Теперь второй саммит подряд остается без этого важного документа: сперва из-за отказа Вашингтона его подписать, а затем — из-за согласия участников ограничиться заявлением. По факту это означает отсутствие единой позиции по согласованным ранее вопросам повестки не просто отдельных субъектов международных отношений, а лагеря традиционных единомышленников по ключевым вызовам современности.

И это при том, что элиты стран-участниц клуба — признанного оплота сторонников либерального миропорядка — бьют в набат по поводу ослабления такого миропорядка, призывая резко повысить противодействие его противникам. Но пока фактические гаранты такого порядка не проявили решительность в его защите или готовность предложить свое видение его будущего.

Несмотря на это, «семерка» все же сохраняет заметное притяжение для многих государств и располагает значительным потенциалом воздействия для вовлечения этих государств в реализацию решений формата. О притягательности клуба свидетельствует энтузиазм приглашенной на последний саммит четверки — Индии, Австралии, Чили и Южной Африки. Индийский руководитель, например, не только с удовольствием приехал, но и показал готовность его страны усилить роль и увеличить вклад в дело борьбы с изменением климата и в решение комплексных проблем, связанных с цифровизацией мировой экономики и человеческого бытия.

По всей видимости, давление на клуб в целях его оживления и реформирования будет усиливаться — как изнутри, так и от внешних источников. Вряд ли пока стоит ожидать быстрого появления соизмеримой альтернативной международной неформальной структуры, которая бы объединила силы либеральных демократий и развитых экономик — в том числе, для противодействия распаду нынешнего миропорядка.

Реформирование же вполне может подразумевать «адекватное» расширение состава. Но здесь важно отметить, что многие сторонники такого расширения даже не рассматривают сценарии участия или подключения России — не говоря о Китае. По их разумению, реформы должны ориентироваться на контрнаступление либеральных демократий и сохранение противостояния не только с Китаем, но и с Россией. Нам в данном случае уже не даются авансы на предмет перехода в разряд «демократий» и «развитых экономик».

Пока такие ратующие за расширение без России голоса не очень громко звучат в экспертном пространстве. Но не исключено, что эти настроения будут проявляться чаще и сильнее. Нужно отметить, что на фоне роста неурядиц в «семерке» также звучат аргументы типа «время не терпит» для оживления формата, — в том числе через увеличение состава.

В общем, стоит присмотреться к перспективам закрепления в постоянном статусе наблюдателя для новых членов,

соответствующих обоим критериям клуба — быть «демократическими» и «ведущими экономиками», либо, по целесообразности, только одному критерию — «демократическому». Напомним, что предложения по расширению тогдашней «восьмерки» аж до «Группы 13» были озвучены по инициативе Парижа еще десять лет назад, но в силу разных причин были положены под сукно. Сейчас ситуация существенно иная.

Ориентируясь на логику указанных критериев, не стоит удивляться, если, например, в клуб попросится Австралия, где с повышенным беспокойством наблюдают за процессами в миропорядке и за усилением Китая. Это страна, как известно, с традиционно жесткой позицией касательно России. Если же учитывать китайский фактор, то почему бы не принять Индию, которая, хотя и относится к развивающимся экономикам, соответствует всем высоким критериям страны демократической и имеет свои разногласия с Пекином. На форуме, если он будет сохранять антироссийский настрой, она может соглашаться и с мерами, противоречащими интересам Москвы.

Мы живем в быстро меняющемся мире с динамично трансформирующимися правилами, в мире, к которому не успевает подстраиваться та же «семерка». Адаптация последней может подразумевать шаги как навстречу России, так и в сторону напряженности. Поэтому нашим экспертам не помешает повнимательнее присматриваться к «семерке» и к «танцам» с ней разных акторов.